

ЮЛИАН ТУВИМ

ИЗ СТИХОВ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

К 10-летию со дня смерти

Есть поэты, преданные природе, как язычники. Они понимают говор птиц, чувствуют сновидения деревьев, ощущают настроение ручья. Но голос общественной жизни не касается нерва их поэзии. Есть другие поэты. Эти живут дыханием своего народа, они будят его, поднимают на труд, на борьбу, на подвиг. Но они глухи ко всему, что находится за пределами политических интересов общества. Юлиан Тувим счастливо сочетал в своем творчестве социальный мир с миром природы. Это — мастер эпиграммы и одновременно тончайший пейзажист. Гимн «лучистому дождю и солнечному дыму» пересекается у него реквиемом памяти коммуниста Юрия Борейши. В этом огромном, всеобъемлющем сердце живут оба полюса поэзии. Взгляните, как нежно и любовно изображает он маленькую птичку:

Сел на ветку малый птах,
То прищелкнет, то присвистнет.
Острый клювик в перьях чистит —
Стало весело в кустах.
Щебетнул — и в небо фьют!
Ну, а ветка расхлесталась,
И качалась, и смеялась —
Распотешил баламут!

(Перевод Д. Самойлова)

Сколько поэтов воспевали березу, а он подошел и увидел не просто весеннее деревце, а зеленое облачко, потому что природа жила в нем и он берег ее в себе, как драгоценное сокровище.

Но совсем другие звуки и краски находит Тувим, когда саркастически изображает польских генералов времен пилсудчины:

Тщеславие, помпа, блеск и шик,
Штабы, адъютантов гладкие лица.
Слово процедит — и тут же крик:
«Рады! стараться! ваш! сок! дит! ство!»

(Перевод Д. Самойлова)

Кстати, именно в эти годы я и познакомился с Юлианом Тувимом. В Германии уже дорвался до власти оголтелый нацизм, поляки чувствовали себя очень неудобно, живя бок о бок с таким соседом, и Юлиан, который ясно представлял себе неизбежность нападения гитлеровской империи на его родину, очень страдал, так как тяжело разочаровался в Пилсудском. Конечно, он не говорил мне этого прямо (в те годы было небезопасно в белой Варшаве откровенничать с советским человеком), но я чувствовал его душевное состояние по мелким репликам. Однажды, бродя с Тувимом по городу, я увидел офицера с соколиным пером на шляпе. Офицер пронзительно смотрел в глаза Тувима, как бы ожидая поклона. Но Тувим отвернулся.

— Кто это?

— Офицер горнострелковой части.

— Вы знакомы?

— Да.

— Отчего же вы не раскланиваетесь друг с другом?

— Да как вам сказать... Он не хотел поклониться первым, потому что считал свое соколиное перо выше моего стального, а я потому, что это его соколиное на самом деле — петушье.

В другой раз я спросил его:

— Где же ваши хваленые польские красавицы?

— Вас они интересуют?

— Еще бы! Не напрасно же Гейне назвал ангелов «польками неба»!

— Польских красавиц в Польше не ищут, — уныло ответил Тувим. — Все они в Париже. Это наш единственный экспорт.

Но в глухое время пилсудчины даже страх перед грядущим был для него, как ни странно, спасительным чувством. Об этом говорят его удивительные «Стихи с глухим концом»:

Не грех — но как все это пусто:
Благополучие и слава,
Блеск рифм, изведенные чувства,
И словоблудье, и Варшава.
Не грех — но скука и истома:
Бесстыдство счастья год от года,
Послеобеденная дрема,
Моя постылая свобода.
Спасает только страх шемящий...

(Перевод Д. Самойлова)

Только великий поэт мог с такой предельной откровенностью сказать о себе столь обидную правду.

Вскоре события пошли для Тувима крещендо. Разгром Польши гитлеровской военной. Эмиграция в Бразилию, затем в Нью-Йорк. Нестерпимая тоска по родине и поэзии. Окончательно сбросив с себя остатки веры в людей с петушьими перьями на шляпах, поэт на далекой заокеанской чужбине понял, откуда родине ждать спасения.

...дружнее, по-соседски —
Дай жить с народом ста народов! —

(Перевод Н. Чуковского)

воскликает он, имея в виду Советский Союз. С этим сознанием создал он свою лебединую песнь — поэму «Цветы Польши». Здесь — все, что поэт любил и ненавидел. Здесь всплывает в своих очертаниях дорогая сердцу родина со всей ее пронзительной нищетой, которую не прикрыть мишурой рыцарских мечтаний псевдопатриотических пройдох. Юлиан Тувим прямо и откровенно противопоставил этим подонкам великую идею народовластия.

Одна из самых трогательных страниц поэмы — описание запахов простых цветов Польши: резеды и сирени. Они благоухают, несмотря на орхидеи, маракуи, фламбояны и прочие одуряющие цветы Рио-де-Жанейро. Поэт вдыхал аромат своей родины через весь океан и вернул ей дыхание ее цветов в образе своей прекрасной поэмы.

Возвращение Юлиана Тувима на родину было триумфальным. Тувим тосковал о Польше, но и Польша тосковала о Тувиме. Однако Юлиан хорошо помнил, кому обязана Польша своим освобождением от германских орд. По его словам, он «рвался в Москву, как правоверный в Мекку». И он осуществил свою мечту.

Умер Тувим на родине в 1953 году.

Юлиан Тувим — национальный польский поэт. Воспитанная на польских поэтах от Мицкевича до Стаффа, поэзия Юлиана впитала в себя также культуру французской, немецкой и английской поэзии. Но с особенной нежностью относился Юлиан к русской литературе. «Когда я слышу: «Пушкин», — мне хочется встать!» Он великолепно перевел «Евгения Онегина» и стихи других классиков России. Очень был привязан к русским своим современникам. Много и отлично переводил Маяковского. Что касается перевода моей стихотворной новеллы «Охота на тигра», то я считаю его образцовым. Но дело не только в переводах — гораздо важнее то, что влияние русской поэзии сказалось и на собственном творчестве Юлиана.

Народ Польши никогда не забудет своего любимого поэта. Не забудем его и мы.

Илья Сельвинский

Апрельская березка

Нет, не листики, не листочки —
Это деревцо-невидимка,
Это облачко, это только
Золотисто-зеленая дымка.

Если есть лесное небо,
Эта тучка спустилась оттуда,
Среди сада, недвижимо и немо,
Над землей возникла, как чудо.

Неужели ей зеленеть
И сравниться с березой по цвету,
И густеть, и отбрасывать тень?
Не могу я поверить в это!

Перевод с польского И. СЕЛЬВИНСКОГО

Стану кустом пламенеющих роз

Стану кустом пламенеющих роз. Как неистов их цвет!
Только глаза (как умеешь) зажмурь ты, и сразу
Алыми розами запольхаю в ответ
По твоему я приказу.

Если рассыплюсь я мертвою серой золой,
Горстью земли безнадежной в кладбищенской яме,
Снова зажмурься — глаза, как бывало, закрой —
Розы из пепла заблещут огнями.

Товарищи по судьбе

Связаны одной судьбою,
Мы работаем запоем:
Будем строить общий дом —
Май сдружил меня с тобою.

Крепость мы возводим ввысь,
Сотни рук — одна работа,
В сердце родины слились
Все сердца — и нет им счета.

Улицы Варшавы — в щелке,
Город выстроим волшебный!
Гром в листве — веселый май
Прогремит на целый край.

Наша польская весна
Новой ждет себе усадьбы.
Кирпичи быстрее класть бы —
Смотришь — выросла стена.

Перевод с польского ВЯЧ. ИВАНОВА

